

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'1

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается ряд важнейших направлений в интерпретации лингвистических особенностей проявления гендера, приведших к пониманию того, что язык играет первостепенную роль в репрезентации гендера как социокультурного явления. Доказывается значимость затрагиваемых в данных исследованиях проблем, особенно проблем отбора материала и выбора метода исследования.

Само слово гендер ранее, как известно, использовалось только как лингвистический термин для описания формальных правил, по которым образуются слова мужского и женского рода. В середине семидесятых годов прошлого столетия исследователи в области феминизма начали соотносить данный термин с социальными явлениями. С теми отношениями, которые можно обнаружить в обществе между представителями разного пола. Подобное разграничение совершалось ими, чтобы обратить внимание мира и научной общественности на фундаментальность различий по полу и отвергнуть биологический детерминизм, который был свойственен употреблению и интерпретации таких терминов и понятий, как «пол» и «различия по признаку пола». При ближайшем рассмотрении стало очевидно, что роль грамматики в передаче гендерного содержания, с одной стороны, эксплицитна, с другой, во многом не исследована и хранит в себе целый ряд неразгаданных возможностей и тайн [1].

Одна из таких возможностей содержится в том известном факте, что во многих индоевропейских языках присутствует третья категория, а именно категория среднего рода. В соответствии с точкой зрения ряда исследователей имеются данные, позволяющие предположить, что существование названной языковой категории, т.е. категории среднего рода, может в значительной мере повлиять на то, как люди осознают свою половую идентичность [2]. Ведь в грамматике гендер традиционно понимается как способ классификации явлений. Или как сформированная на основе социальной договоренности система различий, помогающая группировать слова. Гендер в ней совершенно не разумеется как собственный объект анализа с целью описания его внутренних, ингерентных черт. Неудивительно поэтому, что качества маскулинности и фемининности оказалось возможным придавать даже неодушевленным предметам, тем самым различая их по признаку пола, как это имеет место, например, в славянских языках. Аналогичным образом общество предписывает определенные характеристики мужчинам и женщинам, основываясь на их принадлежности к определенному полу. Поэтому гендер правомерно рассматривать и как социальное, культурное явление, и как феномен чисто лингвистический. Язык, однако, играет первостепенную роль в понимании гендера даже тогда, когда речь идет о соотношении языка и гендера в первом плане, т.е. при осмыслении гендера как социокультурного явления. Зачастую при этом смешиваются понятия пола и гендера, что обычно наблюдается при попытке найти некие универсальные или сущностные, фундаментальные различия между мужчиной и женщиной [3]. Видимо, поэтому термин «гендер» стал популярен среди тех, кто стремится к критическому переосмыслению опыта и знаний, а также принятых методов и стандартов в научной работе. И хотя все внимание отдавалось гендеру, язык, тем не менее, вовсе не оказался где-то на периферии. Наоборот, по утверждению историков вопроса, в своем переписывании и переосмыслении академических знаний о гендерной стратификации в обществе, феномен гендера может быть понят и представлен как язык [4, с. 140]. Последний оказался центральным объектом гендерного анализа самого широкого круга исследователей, пытающихся переосмыслить все аспекты исторического опыта, мира литературы, психологии, культурологии [5, 6]. Не случайно одно из авторитетных изданий последних лет, печатающее исследования в области гендера в американистике, получило название «*Артикуляция гендера*» (дословно «*Артикулированный гендер*») [9]. Его авторы постулируют в качестве главного исходного положения мысль о том, что язык есть основной репрезентант или медиум гендерных особенностей личности.

Сам термин «женский язык» был впервые употреблен Робин Лакофф в ее новаторском труде «Язык и место женщины» [10]. В нем автор доказывает, что в языке действительно имеются гендерные черты. Последовавшие за данной работой публикации результатов эмпирических исследований в 70-х – 80-х годах прошлого столетия постулируют существование сугубо женских особенностей употребления языка [11, 12]. Следуя в целом методам американских структуралистов, когда они изучали языки исконных жителей

Америки в 50-х годах, исследователи фемининного в языке собрали значительное количество записей образцов вербального поведения женщин, каталогизировали их для дальнейшего анализа звуковых, грамматических, лексических особенностей собранного материала. Но, в отличие от структуралистов, Лакофф, Крамэри и другие работали не со случайно отобранными примерами или образцами. В значительной мере наследуя приоритеты и видение проблемы социолингвистических теорий 60-х годов, они работали с убеждением, что случайные записи приводят к потере социолингвистически важных закономерностей. Они предполагали, а затем и достаточно эмфатично доказывали, что существует жесткая зависимость между особенностями употребления языка и социальным статусом говорящего. Более того, в своих работах они вынесли проблему социального статуса на первый план [13, 14]. Они сосредоточились на изучении языка не случайно попавших в поле зрения, а конкретных, специально отобранных групп женщин, тщательно принимая во внимание особенности их социального положения в обществе.

Результаты проведенных таким образом исследований позволили убедиться, что женщины действительно используют язык по-другому, чем мужчины. «Женский язык проявляется буквально на всех уровнях грамматики английского языка», – утверждает Р. Лакофф [10, с. 35]. Она констатирует, что женщины гораздо более склонны употреблять разделительные вопросы, разнообразные метакоммуникативные вставки или поддержки (*hedges*) типа «*you know*», «*as you see*», «*they say*» и супервежливые формы, которые в ее интерпретации предстают как знаки подчинения мнению мужчин или маркеры желания избежать ответственности. Разделительный вопрос трактуется как лингвистический тактический прием, сочетающий утверждение и общий вопрос, например «*They do sell mattresses in that shop, don't they?*». Такой вопрос подразумевает, что говорящий достаточно хорошо знает, какой будет ответ, ему просто требуется подтверждение, для полной уверенности, со стороны именно того коммуниканта, к кому он обращается. Лакофф убеждена, что такое языковое действие, хотя оно и символизирует желание избежать конфликтных ситуаций в общении, выражает также подчиненность, отсутствие властных полномочий у говорящего. Она доказывает, что подобные тактики в разговоре, регулярно прослеживаемые в общении между мужчинами и женщинами, являются примерами сексизма [10, с. 40].

Выявленное Лакофф различие в употреблении языка в общении между представителями разного гендера представляется, однако, более сложной проблемой, чем это виделось Лакофф в ту пору. Проблемой, решение которой в свете рекомендаций Лакофф, представляется сомнительным. С одной стороны, она настаивает на том, чтобы женщины отбросили свой язык «благородной леди», с другой – утверждает, что такой язык указывает на существование таких всепроникающих форм сексизма, которые нельзя устранить только с помощью изменения свойственной женщинам манеры общения. Различия в употреблении языка, доказывает автор, коренятся в биологии, социополитических и экономических отношениях, но самое главное все-таки в том, что женщинам постоянно отказывается в доступе к власти на том основании, что они не в состоянии осуществлять управление. При этом показателем неспособности является их лингвистическое поведение [10, с. 47]. Таким образом, в пионерском труде Лакофф впервые обсуждается методика отбора материала для исследования отношений в обществе, анализируются факты различий, констатируется проблема власти, которая позже стала центральной в исследованиях гендера в западных странах.

Д. Спендер использует аналогичные эмпирические методы исследования и обобщает полученные данные в нашумевшем труде «*Man made language*» («Созданный мужчиной язык»). В нем она показывает, как, по ее убеждению, изменения в языке могли привести к изменению социального положения женщины. Она основывает свое исследование на известной гипотезе Сэпир-Уорфа, утверждающей ведущую роль языка в формировании представлений человека о мире, в создании его картины мира. «Как только какие-то категории утверждаются в пределах языка, мы начинаем воспринимать и организовывать способность видеть то, что не совпадает, не соответствует данным категориям» [15, с. 14]. «Язык», в понимании Спендер, является, с одной стороны, креативной, а с другой, тормозящей, сдерживающей силой, организующей наш опыт существования в мире и препятствующей переменам. Те, кто контролируют язык, контролируют и восприятие реальности, что ставит их в весьма сильную позицию власти [15, с. 15]. Весьма убедительной частью ее собственно языковых исследований являются данные о количестве говорения и молчания. Последние она, к сожалению, интерпретирует только сквозь призму крайне сублимированной оппозиции, однозначно соотнося говорение с силой, лидерством и приписывая только одно значение молчанию – слабость, подчинение.

Нетрудно представить, какой эффект произвели труды указанных авторов, когда они появились на свет. Внимание исследователей самых разных направлений, особенно в области феминизма, сосредоточилось на языке. Когда же исследовательницы-феминистки начали специальный поиск существующих в академической науке интерпретаций характеристик языка мужчины и женщины, они очень скоро установили, что то небольшое, что им удалось обнаружить, было крайне андроцентрического свойства. И что лингвистика традиционно занималась больше языковыми изменениями или поиском инвариантов. А если все-таки проследить, какие сведения или теории имеются о языке женщин, то оказывается, что тако-

вых не содержится вовсе. В наличии обнаруживаются только некоторые импрессионистские замечания авторов и повторение тех устоявшихся взглядов, которые были свойственны ученым соответствующего периода. Классическим примером к сказанному может быть глава «Женщина» в известном труде О. Есперсена «Язык». В ней автор в качестве женского вклада в развитие языка отмечает несомненное, с его точки зрения, стремление женщин к чистоте языка, которое осуществляется путем инстинктивного неприятия грубых и вульгарных выражений. Мужским же вкладом, по мысли автора, следует считать энергию, воображение и креативность, разнообразный творческий подход. Далее он приводит различия в употреблении языка мужчинами и женщинами, отмечая разум, интеллект и значимость мужчин и несерьезность, даже ограниченность женщин [16]. Такие научные суждения обоснованно суммированы Дж. Коутс в следующем выводе о сущности андроцентрического правила в лингвистике: все то, что автору нравится в устройстве языка, что вызывает его восхищение, приписывается мужчине. То же, что ему кажется достойным осуждения – женщинам. Последние всегда оказываются порицаемыми за любые негативные, с точки зрения приверженцев традиционных взглядов, состояния в языке или лингвистике [17, с. 72].

Позже значительное внимание женской речи было уделено в рамках социолингвистических исследований, которые, пытаясь выявить реальную социостратификацию в языке, не могли не обратить внимание на некоторые явные отличия в употреблении языка в зависимости от пола коммуникантов. Изучение социолектов позволило им обнаружить, помимо всего прочего, многие различия в языке мужчин и женщин, особенно в произношении и грамматике. Основной интерпретации установленных различий, как правило, было представлено о поле как социолингвистической переменной. В итоге была создана гендерно-дифференцированная модель, согласно которой женщины постоянно обнаруживают более сильное стремление к употреблению престижного стандарта языка по сравнению с мужчинами.

Данная тенденция прослеживается в разных социальных слоях общества: upper-middle class (UMC) – верхний слой среднего класса, middle-middle class (MMC) – средний слой среднего класса, lower-middle class (LMC) – нижний слой среднего класса, upper-working class (UWC) – верхний слой рабочего класса, middle-working class (MWC) – средний слой рабочего класса, lower-working class (LWC) – нижний слой рабочего класса (табл. 1, 2) [18, с. 90 – 91].

Таблица 1

Частотность употребления поствокального [ɹ]
(престижного варианта в речи чернокожего населения Детройта (США) в %

Коммуниканты	UMC	LMC	UWC	LWC
Мужчины	66,7	52,5	20,0	25,0
Женщины	90,0	70,0	44,2	31,7

Таблица 2

Частотность употребления стигматизированного варианта произношения окончания -ing [in]
в речи жителей Нориджа (Великобритания) в %

Коммуниканты	MMC	LMC	UMC	MWC	LWC
Мужчины	4	27	81	91	100
Женщины	0	3	68	81	97

Подобные особенности употребления интерпретировались как знак подчиненного мироощущения женщин. Считалось, что последние для утверждения своего статуса вынуждены постоянно заботиться о форме, в том числе и языковой. Отсюда преобладание в женской речи престижных и корректных лексических, грамматических и фонетических образцов. В результате фемининная модель предполагает строгое соблюдение норм, маскулинная – свободу, открытое выражение своего «я». Мужское поведение интерпретируется как неявно или скрыто престижное (covert prestige), творческое, что, на наш взгляд, перекликается с приведенными ранее выводами О. Есперсена и повторяется во многих исследованиях гендера.

В подтверждение такого понимания приводится и масса других фактов, но чаще всего тех, которые были представлены в работе Р. Лакоффа, а именно: данные анализа структуры ответных реплик в коммуникативном поведении мужчин и женщин. Последние действительно зачастую отвечают на вопрос утверждением, просодическая модель которого характеризуется восходящим завершением, что в англо-американской культуре ассоциируется больше с вопросом, чем с утверждением. Утверждение в мужском варианте, напротив, как правило, имеет нисходящее завершение. В результате мужские утверждения звучат более уверенно, твердо, однозначно и определенно. Согласно данным многих исследователей, в большинстве своем женщин, подобная очевидная менее ярко выраженная однозначность и определенность женских реакций имеет место ввиду неуверенности или недостаточной уверенности женщин в себе

или в том мнении, которое они выражают [19]. Аналогичным образом трактуется заметно большая употребительность разделительных вопросов с восходящим завершением (*It's a nice day, isn't it?*), а также так называемых *hedges*, т.е. дискурсивных или метакоммуникативных вставок типа *kind of, as you see, you know, sort of, perhaps* и интерапций [20]. Подобная трактовка с позиции подчиненности и неуверенности в себе, даже слабости, а также большей привязанности женского говорения к престижному, стандартному варианту языка вызвала значительную критику со стороны более поздних исследователей гендера. В частности, Д. Камерун и Дж. Коутс оправданно отмечают, что такой подход подразумевает в качестве нормы именно мужскую речь, от которой женщины или отклоняются ввиду своего подчиненного статуса, или же стремятся к ней, опять-таки из-за неуверенности в себе и страха нарушить норму [21, с. 106]. Возникает закономерный вопрос, почему оценка языка женщин идет не от присущих ему характеристик, а с позиции их соотносительности с нормативным мужским вариантом. Почему именно мужской вариант признается нормой для всех прежде всего теми авторами, которые интерпретируют выявленные различия и как будто ратуют за *liberation*, т.е. освобождение женщин.

Данный вопрос представляется вполне правомерным как с точки зрения современного понимания социолингвистических проблем в целом, так и с точки зрения интерпретации понятия нормы. Последняя уже давно трактуется, по сути, как определенный набор вариантных норм или предпочтений использования языка в разных условиях и ситуациях коммуникативного поведения. Логично признать, что мужской и женский варианты есть полноправные составляющие в этом наборе. И общая норма языка может быть выведена только с учетом их обоих. Безусловно, конечно, мужской вариант в некоторых аспектах может быть более разработанным, так как бытие мужчины значительно полнее отражено в текстах и все еще остаются сферы, особенно профессионального общения, где мужчины являются основными коммуникантами или имеют значительно более длительный зафиксированный в текстах опыт общения.

Примечательно, что, интерпретируя более частотные факты употребления женщинами престижных фонетических вариантов и нормативных грамматических конструкций, П. Граджил все-таки косвенно предпочитает говорить о двух нормах, называя их двумя моделями вербального поведения – мужской и женской. Однако устанавливает их социальное неравенство, т.е. определенную иерархию по значимости. Мужской вариант, несмотря на присущую ему грубоватость (*toughness*), имеет скрытый престиж (*covert prestige*), а женский, по мнению автора, возникает ввиду того, что для утверждения своего социального статуса женщинам приходится прибегать к языковым средствам, правильному, престижному вербальному поведению [18, с. 99].

Неудивительно, что утверждение о стремлении женщин к единой кодификации, т.е., по сути, к мужской норме вербального коммуникативного поведения, в дальнейшем также оказалось под обширным огнем критики, инициированной прежде всего упомянутыми авторами [21]. Главной ущербностью подобной интерпретации, по мнению критиков, является невнимание к особенностям эксперимента, к неукоснительному следованию принципу равных условий, что и привело к описанным выводам. В частности, социолингвистические интервью были одинаковыми для всех информантов, независимо от пола и других социальных переменных. Но для многих в условиях тех лет (35 лет тому назад) именно данное обстоятельство привнесло неравные условия в эксперимент. Ибо многие женщины-информанты оказались, практически, в новой для них ситуации встречи с неизведанным, когда предстали перед образованным представителем среднего класса, проводившим с ними интервью по единой, установленной схеме в незнакомой для них обстановке. Для многих женщин это могло быть первым опытом общения на предложенном уровне с представителем другого пола, новым опытом гетерогендерного взаимодействия. Таким образом, беседа с образованным интервьюером-мужчиной, средним по достатку, оказалась непривычным или даже первым случаем ведения разговора в общественной сфере или хотя бы именно в анализируемых ситуациях. Данные особенности контекста, несомненно, повлияли на характер общения, способствовали формализации коммуникативного поведения, в том числе и на вербальном уровне, именно у женщин, менее привычных к такому общению. В свою очередь, формализация коммуникативного поведения определила выбор престижных форм.

На наш взгляд, постановка вопроса о сущности равных условий в гендерном эксперименте является чрезвычайно важной, особенно для исследований коммуникативного поведения. Анализ вербального поведения человека не может быть приравнен к анализу языковых структур в традициях микролингвистики по типу, например, рассмотрения фонемного состава слога, когда искомая единица идентифицируется в определенных оппозициях на фоне идентичного окружения. Идентичность контекста как вербального, так и невербального может и чаще всего и является в той или иной степени не равными условиями, как это стремились доказать Д. Камерун и Дж. Коутс. Поиск истинных сильных позиций, способствующих вербальной репрезентации гендера, предполагает прежде всего свободу, естественность, органичность поведения, а также обнаружение тех ситуаций, тем и событий, которые для данной личности являются важнейшими.

Не случайно поэтому существование и других интерпретаций различий между мужским и женским вариантами языкового общения. Одна из них, на первый взгляд, представляется весьма привлекательной, ибо формально отличается от приведенных ранее толкований. Интерпретация гендерных особенностей в ней осуществляется в терминах солидарности и непроницаемости (закрытости) отношений между коммуникантами – членами определенного социума (*social network membership*) [2]. Такая интерпретация избегает понятий социального неравенства или определенного (более или менее высокого) положения на лестнице престижа в объяснении социальной стратификации языка. Вместе с тем само определение социума, на котором основываются стратификации в языке, весьма уязвимо ввиду явного предпочтения именно устоявшихся мужских стереотипов. Последние опять-таки признаются нормой. Ранние гендерные исследования, таким образом, рассматривая различия между мужским и женским вариантами языка, постоянно дрейфуют к андроцентрическому подходу или подразумевают его, как это делает Р. Лакофф, имплицитно устанавливая мужской язык в качестве нормы и отмечая, что женский язык ей не соответствует. Тем самым самими исследователями гендера постулируется определенная неполноценность, вторичность, даже слабость женского варианта. Что в целом не очень-то и противоречит замечаниям О. Есперсена, против которых теоретически выступают все исследователи языка в гендерном плане.

Другое направление поиска в упомянутом влиятельном труде Р. Лакофф связано с семантикой некоторых единиц мужского и женского вариантов языка. Многочисленные последующие работы в данном русле, как и этапное исследование Р. Лакофф, содержат глубокий анализ сексизма, его материального и политического воздействия на человечество, женщин в первую очередь. Основополагающий в таких работах термин *сексизм* обозначает власть мужчин над женщинами, доминирование в обществе мужского пола и принижение, исключение женского из всех форм общественной жизни, утилитарное признание только роли матери, однако и то только в том объеме, который необходим для нужд патриархального общества [23, с. 312]. В лингвистических, как и других исследованиях гендера, постулируется, что сексистские формы могут стать основанием для формирования взгляда на мир, ибо они касаются самых употребительных понятий, постоянно воспроизводимых в самых различных продуктах культуры. Общеизвестно, что различные языковые формы или слова для обозначения одного субъекта (например, *freedom fighter and terrorist, passed away and croaked, make love and ball*) показывают, что существует целый ряд отношений, чувств и эмоций в обществе к данному субъекту, что и находит свое отражение в языке. Но если язык разнообразных расовых, этнических и других социальных взаимоотношений часто достаточно четко обозначен и поэтому относительно легко поддается идентификации при анализе, то язык сексизма гораздо более утонченный, вездесущий и поэтому неуловимый. Исследователи «сексистской» волны установили, анализируя английский, американский, а потом и многие другие языки, что наше повседневное вербальное (и невербальное) поведение полно индикаторов превосходства мужчин и подчиненного, более низкого статуса женщин. Подобное положение вещей не только отражает существование отношений хозяина – слуги, хозяина – подчиненного, но и помогает дальнейшему упрочению и воспроизведению таких отношений. Язык, по утверждению теоретиков сексизма, низводит женщин до статуса ребенка, слуги, даже в определенной мере ограниченного существа, превращая их в так называемый «второй пол». Он в итоге, практически, создает эффект отсутствия, невидимости женщин в обществе [24, с. 26 – 31].

Необходимость истребления сексизма в языке, установление равенства полов стало главным мотивом и выводом многих авторов. В частности, Д. Розенфелт и Ф. Хоув отмечают, что целый ряд авторитетных лингвистов уверены в определенной детерминированности системы языка теми толкованиями и представлениями, которые составляют семантическую основу языковых единиц [25, с. 5]. Лингвисты спорят о точной природе взаимодействия языка, мышления и культуры, но уже сейчас высказываются суждения о том, что язык отражает и способствует развитию глубинных отношений, свойственных данной культуре. А отношения между мужчиной и женщиной являются частью важнейших отношений в любой культуре [26]. Обращая внимание общества на сексистский язык, феминисты надеются изменить не только язык, а, значит, и важнейший инструмент коммуникативного поведения, но и лежащие в его основе отношения в данной культуре.

В настоящее время феминистские дебаты о форме сексизма в языке и путях его преодоления охватывают целый ряд проблем, начиная с утверждения и демонстрации того, как практика использования, например, английского языка дискриминирует женщин, так как в ней многие слова, в частности *man* подразумевает, фактически как мужчин, так и женщин. Что усиливает представление о мужском как о норме. Многие исследователи доказывают, что термины, обозначающие женщин, в английском систематически имеют уничижительные коннотации, поэтому очевидные пары *master/mistress* или *bachelor/spinster* не симметричны и имеют разные оттенки значения [27].

Исследователи показали, что лингвистически в английской и американской культурах коммуниканты живут исключительно в мужском профессиональном мире. Если только в названии профессии нет уточнения *lady* или *woman*, можно думать, что речь идет о мужчине. Данное обстоятельство усугубляет-

ся манерой изложений информации о профессиональной деятельности. В частности, если речь идет о достижениях, средства массовой информации употребляют специальный чрезвычайно обширный вокабуляр, чтобы избежать частого повторения слова «женщина». В результате заглавия типа «*Grandmother Wins Nobel Prize*» (Бабушка получает Нобелевскую премию), «*Blonde Hijaks Airliner*» (Блондинка захватывает самолет), «*Housewife to Run for Congress*» (Домашняя хозяйка выставляет свою кандидатуру в Конгрессе) оказываются характерными в статьях и рассказах именно о женщинах. Подобное совершенно невозможно в заглавиях о достижениях мужчин [28, с. 100]. Семейные узы также манифестируются таким образом, что мужское оказывается более престижным. А ведь классификация и названия являются частью номинации и упорядочения опыта. Они отражают и поддерживают существующие социальные отношения и статусы, а также практику идентификации личности.

В ответ на такое положение вещей феминисты предложили чрезвычайно популярный на Западе несексистский вокабуляр. Кроме того, был проведен тщательный анализ репрезентации женщин и мужчин в произведениях литературы. Отдельно изучен вопрос о том, каким именно образом сексистская идеология порождается и потом воспроизводится бесчисленное количество раз в средствах массовой информации и языке поп-культуры. Вместе с тем, критикуя сексистский язык, лингвисты феминистского направления политизировали многие слова и классификации, которые раньше считались нейтральными. Достаточно вспомнить слово *history*, интерпретируемое как *his story*. В итоге феминизм оказался в ситуации, когда его непосредственной задачей стало разрушение сложившихся представлений о норме языка. Язык есть абстракция, говорил еще Ф. де Соссюр. Однако его роль в жизни каждого члена общества вполне реальна и незаменима. И теоретическая проблема языковой нормы в интерпретации данной волны феминизма оказалась практической задачей смены стереотипов каждого. Не случайно феминистский подход встретил яростное сопротивление как со стороны академического мира, так и со стороны средств массовой информации. Возник мощный контрдискурс, обобщенный Д. Камерун в ее труде о гигиене вербального коммуникативного поведения [29].

На наш взгляд, установленные «сексистские» различия в языке говорят больше об историческом опыте народа, о том, что, взятый в диахроническом плане язык может быть в известной мере понят как андроцентрическое образование. При этом, как отмечает А.В. Кирилина, андроцентризм присущ всем языкам, функционирующим в христианских и мусульманских культурах, хотя и в разной степени. В частности, в соответствии с выводами А.В. Кирилиной, андроцентризм русского языка менее интенсивен по сравнению с английским [30, с. 8]. Сопоставления между языками такого рода можно продолжить. Сравним, например, значения слов *брак* и *шлюб*. Первое предполагает «брат», т.е. некое, возможно, неравенство берущего и того, кого берут. Шлюб, т.е. «злюб» осмысливает данное понятие совсем с другой точки зрения. Подобные значения единиц языка, тем не менее, однозначно не соотносятся с современной ситуацией. Лучше всего сказанное подтверждается результатами анализа слов *doctor*, *врач*, *master/mistress*, *гаспадар/гаспадыня*, *хозяин/хозяйка* в их современном функционировании, а не на основе их употребления в текстах художественной литературы и массовой культуры прошлого, включая и те, которые были написаны всего 30 – 70 лет назад.

Рассмотрим следующие фрагменты аутентичного говорения.

1. А. Мне к Ковалеву номерок не надо! К другому дайте.
 Б. Как же? Это ваш участок. Ковалев ваш врач.
 А. Это Ковалев врач?! Мужлан он, а не врач! К другому давайте!
 Б. Мужчина, он ваш врач!
 А. К нему не пойду, ясно?
2. -Ну-у! Сказал! Нина Васильевна! Нина Васильевна врач! Она, конечно, может, и вылечила. А что они тут все ... Никто ничего не лечит!

В приведенных аутентичных коммуникативных реакциях концепт «врач» явно абстрагируется от идеи пола. У коммуникантов чувствуется некий надгендерный образ профессии и подлинная дерогативность в их суждениях связана с несоответствиями данному образу. Анализ фрагментов реального употребления, таким образом, позволяет поставить под сомнение утверждение о том, что слово *врач* в ушах сегодняшних говорящих в анализируемой культуре соотносится именно с маскулинностью. Скорее, правомернее говорить о некотором изменении его значения по сравнению с теми периодами развития общества, когда данное слово действительно соотносилось только с пространством мужчины.

При рассмотрении сущности текста мы упоминаем одно из весьма влиятельных и распространенных направлений в теории интерпретации, которое утверждает, что коммуниканты – читатели, слушатели и зрители – являются частью текста. И понимание последнего осуществляется именно на воспринимающем конце коммуникативного акта. Реципиент создает смысл текста. Учитывая все возражения против данного тезиса, следует все же признать: в нем содержится значительная доля правды. Поэтому для устранения сексизма в отношениях, коммуникативном поведении, обществе целесообразнее сосредото-

читаться на коммуникантах, мужчинах и женщинах, а не на способах и путях изменения языка для устранения сексизма. Модификации в интерпретации языка тогда станут естественным продолжением перемен в социальной, коммуникативной сфере. Кроме того, совершенно очевидно, что уже сейчас далеко не все англоговорящие коммуниканты реализуют принципы сексизма в своем вербальном поведении. Многие из них могут служить примером равноправного партнерства. Возможные соотношения между гендерной системой языка (т.е. системой мужского, женского и среднего рода) и различиями по полу (мужской, женский и ни то ни другое) чрезвычайно разнообразны. В английском языке, насколько известно из опыта общения, они часто создают проблемы поиска нужного местоимения. Вместе с тем трудности различий между *he* и *she* можно в большинстве случаев избежать, хотя иногда и не без усилий. Принципиальная возможность решения данной проблемы говорит о сомнительности утверждения, что гендерные различия в языке следует трактовать как сексистские по своей сути и выбрасывать их из арсенала языковых средств. Сексистскими могут быть, а могут и не быть, только люди, коммуниканты в зависимости от своего взгляда на мир. Белорусский, русский, немецкий имеют каждый свои специфические различия по признаку манифестации пола. Все они отличаются от соответствующих английских способов обозначения понятий, связанных с полом. Сомнительно, однако, утверждать, что мужчины, общающиеся на английском языке сегодня, отличаются большим сексизмом, чем те, которые используют русский, белорусский или немецкий язык.

Показательными в плане правомерности высказанной точки зрения являются результаты нашего эксперимента с новыми словами *chairperson* и *letter carrier*, наиболее удачно, по общему мнению, заменившие старые наименования *chairman* и *postman* ввиду формального сохранения последними дерогативных для женщин коннотаций. В полном соответствии с методикой традиционных гендерных исследований [31, с. 115] информантов просили выбрать тот знак, который соответствует возникающему у них образу при восприятии данных слов. В эксперименте участвовало 48 представителей английской и американской культуры: 25 мужчин и 23 женщины – инженеры-программисты, обслуживавшие компьютерные сети, техники, бизнесмены, работники сферы образования; 12 из них (3 женщины и 9 мужчин) были знакомы с феминистскими теориями, поэтому выбрали знак «и тот, и другой». Те же, кто оказались не в курсе гендерной подоплеки введения новых слов, реагировали по-другому. *Chairperson* в значительном количестве случаев (22) ассоциировалось с мужским образом, *letter carrier* – с мужским (4), женским (11) и «тот и другой» (21). В ходе уточняющей беседы выяснилось, что в опыте 22 участвующих в эксперименте информантов функции председателя на всевозможных рабочих заседаниях выполняют мужчины. Скорее всего поэтому им и пришел образ мужчины при восприятии слова *chairperson*.

Аналогичная ситуация наблюдалась и со словом *letter carrier*. Мужской образ, женский или женский/мужской появлялся у информантов в полном соответствии с их житейским опытом и знаниями о мире. У тех информантов, которые в личном опыте сталкивались только с мужчинами в качестве доставщиков почты, слово *letter carrier* оказалось отсылающим к тому же образу, что и *postman*.

Данные результаты показывают, насколько глубоко опыт проникает во все аспекты коммуникативного процесса. Исключить дерогативность, не изменив практику коммуникативного поведения, представляется чрезвычайно проблематичным. С другой стороны, не менее сомнительно трактовать какие бы то ни было знаки языка как сексистские по своей сути. Языки сами по себе не могут быть сексистскими. Коммуниканты, мужчины и женщины, используют язык для реализации неких своих целей. Эти цели могут быть связаны с достижением позиций влияния, власти, могущества. И вот пока в обществе различия по признаку пола как-то соотносятся с дискриминационными различиями в коммуникативном поведении в целях доминирования или доступа к власти, до тех пор будут проследиваться определенные различия в языке, особенно в его употреблении, которые можно классифицировать как сексистские. И что самое главное, они будут не только существовать, но и восприниматься, интерпретироваться как таковые, как формы доминирования, неравенства и различия по социальному статусу.

Гендер является одним из тех факторов, который соотносится с очевидно значимыми, сущностными вариациями в языке, обусловленными его существованием в обществе. И хотя феминисты сексистского направления добились некоторых приемлемых изменений (например, появления ряда нейтральных, достаточно удобных для общения слов типа *chairperson*, *letter carrier* и т.п.), полностью нормализовать ситуацию только с помощью законов о языке не представляется возможным. Кроме того, целью лингвистических исследований является все-таки описание языка, особенностей репрезентации субъекта именно вербальными средствами, а не политизированные дискуссии. Вместе с тем, оценивая сделанное направлением сексизма, следует признать, что, несмотря на излишнюю политизированность выводов и проблематичность многих толкований, ему все же удалось установить многочисленные факты различий. Тем самым показав, что гендерная специфика действительно существует и заслуживает самого пристального внимания. Кроме того, при всем критическом отношении к теории сексизма как основе исследования языка, следует вместе с тем признать, что она заставила обратить внимание на вопросы интерпретации языка как объекта и субъекта действий, на проблемы нормы, молчания, дерогативности или,

шире, негативности в языке и коммуникативном поведении. Во всяком случае, на необходимость тщательного рассмотрения и толкования отмеченных проблем при описании гендерной стратификации в языке и коммуникативном поведении. Такое рассмотрение, на наш взгляд, поможет уточнить интерпретационные подходы в изучении гендера на уровне языка, пересмотреть сделанное и выработать перспективы анализа на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Scott J.W. Gender. A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986. – Vol. 91. – P. 1053 – 1075.
2. Gailey C.W. Evolutionary Perspectives on Gender Hierarchy // *Analyzing Gender: A Hand-book of Social Research* / Eds. Hess B.B. and Ferree M.M. – Newbury Park, CA: Sage, 1987. – P. 32 – 67.
3. Under R.K. Will the real sex difference please stand up? // *Feminism and Psychology*. – 1999. – Vol. 2. – P. 231 – 238.
4. Talbot M.M. Feminism and Language // *Critical Dictionary of Feminism and Postfeminism* / Ed. Gamble S. – New York: Routledge, 2000. – P. 140 – 147.
5. Threadgold T. Feminist Poetics. – New York, 1997. – 222 p.
6. Friedan B. *The Feminine Mystique*. – Harmondsworth: Penguin, 2001. – 430 p.
7. Greer G. *The Female Eunuch*. – New York: Farrar, Straus and Airoux, 2001. – 397 p.
8. Millet K. *Sexual Politics*. – New York: Avon, 1971. – 512 p.
9. Gender articulated / Eds. K. Hall, M. Bucholtz. – New York: Routledge, 1995. – 512 p.
10. Lakoff R. Language and Women's Place / *Language In Society*. – New York: Harper and Row, 1975. – 83 p.
11. Key M.R. *Male/female Language*. – Metuchen, NJ: The Scarecrow Press, 1975.
12. Language and sex: Difference and dominance / Eds. B. Thorne, N. Henley. – Rowley, MA: Newbury House, 1975.
13. Kramarae Ch. *Women and men speaking*. – Rowley, Mass: Newbury House Publishers, 1981.
14. Miller C., Swift K. *Words and women: New Languages in New Times*. – Garden City, NY: Anchor Books, 1977.
15. Spender D. *Man made Language*. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1980. – 250 p.
16. Jespersen O. The Woman. Chapter 13 / *Language: Its Nature, Development and Origin*. – New York: Norton, 1964. – P. 237 – 254.
17. Coates J. *Women, Men and Language*. – London: Longman, 1993. – 228 p.
18. Trudgill P. *Sociolinguistics. An Introduction*. – Middlesex, 1974. – 184 p.
19. Hellinger M., Bußmann H. Gender across languages // *The Linguistic representation of women and men* / Eds. Hellinger M., Bußmann H., 2001. – Vol. 1. – P. 1 – 24.
20. West C., Zimmerman D.H. Small insults: A study of interruptions in cross-sex conversations between unacquainted persons // *Language, Gender and Society* / Eds. B. Thorne, Ch. Kramarae. – New Henley, MA: Newbury House, 1983. – P. 113 – 118.
21. Cameron D. and Coates J. *Women in their Speech Communities*. – New York, 1998. – 392 p.
22. Cheshire J. *Variation in an English Dialect*. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1982. – 142 p.
23. *Critical Dictionary of Feminism and Postfeminism* / Ed. S. Gamble. – New York: Tourledge, 2000. – 370 p.
24. Weatherall A. *Gender, Language and Discourse*. – NY: Routledge, 2002. – 177 p.
25. Rosenfelt D. and Howe F. Language and Sexism // *A Note, MLA Newsletter*. – 1973. – December. – P. 3 – 9.
26. Bosmajian H. *The Language of Sexism // Race, Class and Gender in the United States* / Ed. P.S. Rothenberg. – New York: St. Martin's Press, 1995. – P. 386 – 392.
27. Schulz M. The Semantic Derogation of Women / *Language and Sex: Difference and Dominance* / Eds. Barrie Thorne and Nancy Henley, 1975. – P. 128 – 150.
28. Miller C. and Smith K. One Small Step for Genkind. – *New York Magazine*, 1977. – April 16. – P. 100.
29. Cameron D. *Verbal Hygiene*. – London, New York: Routledge, 1995. – 264 p.
30. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2000. – 396 с.